

Глава 90. Суд Круглого стола

Длинный коридор тонул в густом полумраке.

Леди Мофи, облачённая в тёмно-алое платье, казалась воплощением запекшейся крови. Она стояла, высоко вскинув подбородок, и сверлила Ли Цзяньчуаня ледяным взглядом, лишь изредка и как бы невзначай косясь на дверь за его спиной.

— Я совершенно не понимаю, на что вы намекаете, — процедила она.

Её зрачки казались бездонными провалами.

Ли Цзяньчуань лишь слегка приподнял бровь. Его металлическая перьевая ручка с изящной, почти небрежной лёгкостью выводила на карточке для ответов безупречные строки английского текста.

— В этом нет ничего сложного для понимания, леди Мофи, — спокойно проговорил он. — Теперь я абсолютно уверен: «Легенда о Доме уединения» — это картина. И в то же время она — нечто гораздо большее, чем просто «одно» полотно.

По мере того как чернила ложились на бумагу, коридор начал заполняться тягучим белым туманом. На этот раз на карточке не возникло новых вопросов, но, что примечательно, туман не скрыл фигуру хозяйки поместья.

Это натолкнуло Ли Цзяньчуаня на мысли о природе связи между Круглым столом и судебными делами в каждом раунде: возможно, они не находились в строгом подчинении друг другу.

«По крайней мере, сейчас, пока я нахожусь внутри картины, карточка для ответов не может полностью перенести меня в изолированное пространство белого тумана»

В этом странном пограничном состоянии Ли почудились далёкие, едва различимые крики, доносящиеся из самой глубины теней. Но стоило ему оглядеться, как наваждение исчезло — перед ним был всё тот же коридор.

— Мой разум работает не лучшим образом, поэтому я, как обычно, разложу это дело по полочкам, следуя хронологии.

Ли Цзяньчуань небрежно вертел в пальцах зажигалку. В его голове сотни разрозненных улик стремительно складывались в единую, пугающе ясную цепочку:

— Это дело я разделил на три временных пласта, три отдельных полотна. Начнём с наиболее раннего — момента гибели господина Морка. Второй пласт — годом позже, смерть горничной

Бекки. И, наконец, третий — ещё через год, гибель мисс Ил. Примечательно, что именно в год смерти мисс Ил произошли те самые громкие случаи: похищение детей и исчезновение школьного автобуса. А спустя три года всплыли дело Наннали и серия убийств на Тюльпановой улице. Полагаю, именно так выглядит полная хронология событий за все три раунда Суда Круглого стола.

Характерные щелчки зажигалки ритмично вторили его словам. Ли Цзяньчуань слегка прищурил серые глаза, в которых застыл холодный блеск.

— О том, что произошло позже, мы поговорим в другой раз. Сейчас же сосредоточимся на истории Дома уединения. А начать стоит с момента, когда господин Морк заложил первый камень этого поместья. Во втором временном пласте — в период гибели Бекки — я услышал от одной из гостей, госпожи Веры, ту самую легенду, что вы рассказываете посетителям. Позже, изучив архивы того времени, я подтвердил: поместье Морка действительно возведено на месте старого крематория. Это факт.

Ли усмехнулся:

— Для общества это было неслыханно. Ни один богач в здравом уме не стал бы строить дом в столь зловещем месте, если бы у него не было на то особых причин... или специфических пристрастий. Можно сказать, господин Морк изначально планировал создать именно Дом уединения.

Ли Цзяньчуань начал перечислять, загибая пальцы:

— Труднодоступная дорога, которую размывает при каждом ливне, полное затворничество, пугающие легенды и череда смертей среди прислуги. Казалось бы, первый, на кого должно пасть подозрение — хозяин дома. Но у полиции не было улик против него. И эта «бездоказательность» в корне отличается от той, что сопутствует вашим преступлениям. В его случае отсутствие обвинений объяснялось не только хитростью, но и другой причиной... Укрывательством со стороны полиции.

Ли заметил, как дрогнули брови женщины и как плотно сжались её губы.

— Презрение, смешанное с отвращением, которое вы и дворецкий испытываете к полиции города Фэйнань, выдаёт вас с головой. Вероятно, подобное случалось нечасто, иначе правду бы не удалось скрыть от всех. Господин Морк был гением высокоинтеллектуального преступления, способным блестяще заметать следы.

Он бросил на неё пронзительный взгляд:

— Вы ведь считаете, что в мире богатых людей подобная круговая порука — обычное дело, не так ли, леди Мофи?

— О, а разве это не так? — её улыбка была острой и холодной.

— Значит, вы горячо поддерживаете «правые дела»? — Ли Цзяньчуань иронично вскинул бровь. Заметив, как она нахмурилась, он продолжил с едва уловимой усмешкой: — Вы ведь читали то письмо в кабинете Морка? Он отказал этому Фейдену, но вы — вы согласились. Судя по вашему стилю и предпочтениям в живописи, вы всегда питали страсть к оккультизму и паранормальным явлениям.

Сквозь редеющую дымку тумана он видел смутные, призрачные очертания поместья.

— Когда вы выходили замуж за господина Морка, легенда о Доме уединения уже была у всех на слуху. Она заинтриговала вас, и вы намеренно сблизились с ним, чтобы вступить в брак. Но семейная жизнь оказалась далеко не сказкой. Когда я расспрашивал дворецкого о хозяине, он мастерски скрывал чувства, но в его голосе проскользнула тень почти торжествующего удовлетворения.

— Я осмотрел кабинет вашего мужа и его тело. Изучив отзывы о нём, я пришёл к выводу: это был крайне эксцентричный человек с тяжёлым психическим расстройством. Умный, коварный, блестяще владеющий искусством маскировки... и одержимый тотальным контролем. Вы быстро узнали правду о Доме уединения. И чтобы укротить вас, Морк применил свои методы. Он буквально довёл вас до маниакально-депрессивного психоза.

— К этому выводу меня подтолкнул резкий контраст между вашей безвестностью в браке и внезапной славой после его смерти. И ещё одно — отношение к Скотту. Вы ненавидели отца в сыне... Ненависть к Морку в вашем сердце оказалась сильнее материнской любви. Вы видели в ребёнке тень своего мучителя, тень его наследственного безумия.

Лицо леди Мофи исказила гримаса. Ли Цзяньчуань мельком взглянул на неё и добавил:

— Хотя, на мой взгляд, истинной наследницей этого безумия стали именно вы.

— Вы смеете сравнивать меня с этим демоном?! — взорвалась она, сверля его яростным взглядом.

Ли проигнорировал её выпад:

— После рождения Скотта ваши приступы участились. Сначала я сомневался, не была ли болезнь притворством, но позже понял: в этом не было смысла. Если ваши страдания были реальны, то ваше воспитание Скотта вряд ли можно назвать благотворным. Мальчик не страдает аутизмом. Он просто видит мир иначе, чем мы. Его интеллект необычайно высок, но это не дар гения, а дар безумца. И у него феноменальный талант к живописи. Вы обнаружили это, как только он смог держать кисть в руках.

— Вы начали использовать его. Присваивали работы ребёнка, уничтожая оригиналы или создавая копии. Вы буквально украли его талант. Когда ваши картины стали обретать известность, вы упростили мужа устроить закрытый показ. Но он не желал, чтобы вы выходили в свет. Перед самой выставкой Скотт, вероятно, стал свидетелем одного из убийств Морка или увидел нечто столь же жуткое. Это потрясение вылилось в «Легенду о Доме уединения». Благодаря этой картине вы проснулись знаменитой.

— Но, увы, в этом доме ничто не могло укрыться от глаз хозяина. Его мало заботил сын — он, скорее всего, презирал это маленькое подобие самого себя. Но на ваше воровство он отреагировал жёстко. И тогда вы, после долгих лет унижений, решили его убить.

Сцены в глубине тумана начали меняться, становясь более отчётливыми.

— Вы были лишь запертой в золотой клетке домохозяйкой, лишившейся всех связей. Возможно, вы могли убить мужа, но не могли скрыть следы. Именно тогда вы вспомнили о письме Фейдена. Вы согласились инвестировать в их «правое дело» при условии, что они помогут вам избавиться от Морка и занять его место в поместье. Долгое время я не мог понять, как вам удалось обставить всё так чисто. Пока не увидел те письма в кабинете.

Леди Мофи презрительно фыркнула:

— И это всё? Ваши доказательства строятся на паре клочков бумаги?

— О, неужели? — Ли Цзяньчуань усмехнулся. — Тогда рискну предположить, что та страница с описанием проекта до сих пор хранится у вас. Или же вы сожгли её, не желая оставлять зацепок. Но как быть с адвокатом Заком? Ведь именно его прислали вам в помощь те люди, не так ли?

В глазах женщины мелькнула жестокая решимость:

— Это всего лишь беспочвенные домыслы.

— Он появился слишком вовремя, — парировал Ли. — К тому же, если память мне не изменяет, в момент гибели господина Морка он ещё числился детективом. А кто лучше него знает повадки полиции? Его навыки контрразведки, должно быть, весьма впечатляют. А может, он был не один?

Ли внимательно следил за малейшими изменениями в её лице, продолжая:

— С их помощью вы устранили Морка и стали полноправной хозяйкой поместья, переименовав его в честь себя. Вы наняли гадалку, чтобы успокоить слуг и создать видимость мистической защиты. Вы перестали убивать прислугу, и легенда о Доме уединения начала постепенно затихать. Вы убедили себя, что вершите правосудие. Но вы не заметили, как сами

превратились в чудовище. Перелом наступил, когда вы осознали, что именно питает талант вашего сына.

— Шопенгауэр говорил, что смерть — это муза философии. В живописи это правило работает не менее эффективно. Смерть господина Морка была кровавой. Когда я прибыл на место, вы стояли рядом с телом, прижимая к себе Скотта. До того как я раскрыл вашу игру, события в картине в точности повторяли реальность. Значит, и тогда вы заставили двухлетнего ребёнка смотреть на изуродованные останки отца. Нормальная мать никогда бы так не поступила. Но у вас были свои цели: с одной стороны — месть, с другой — вы поняли, что вид крови пробуждает в мальчике творческую мощь.

— И позже вы подтвердили свою теорию. Так погибли Бекка и мисс Ил.

Перед глазами поплыли видения: маленький Скотт, дрожащий в луже крови, и леди Мофи, сжимающая его крохотную ручонку, помогая обмакивать кисть в багровую жидкость.

— Есть ещё одна деталь, доказывающая, что Морк не падал сам. Балкон. Вчера был ливень, но там остались отчётливые следы вина... Если бы не помощь ваших «друзей» из того проекта, полиция арестовала бы вас в тот же вечер.

Хозяйка поместья хранила молчание, не сводя с него глаз.

— Вы стали абсолютной властью в этом доме. Чтобы Скотт не выдал вашу тайну, вы заперли его, как когда-то Морк запирали вас. Вы создали для него камеру, пропитанную злобой. А из вашей мастерской туда вёл потайной ход — чтобы вам было удобнее копировать его новые работы. Но совесть — вещь упрямая. Спустя год после смерти мужа вы устроили новую выставку. Боясь, что гости могут что-то заподозрить, вы доверили Скотта адвокату Заку, чтобы тот увёз его подальше.

— Зак, должно быть, отвёз его в город Мейн. На одной из картин я видел водонапорную башню этого города. Дворецкий говорил, что вы почти не покидаете поместье. А раз вы там не были, значит, автор очевиден. Но что-то пошло не так. Из вашего разговора с адвокатом я понял, что ребёнок либо сбежал, либо его упустили. И он вернулся. Именно в ту дождливую ночь, когда погибла Бекка. Я долго гадал, чего же она так испугалась перед смертью... И почему мисс Ил пошла ночью к реке и умерла от ужаса?

— Сначала я был в тупике. Но потом сложил всё воедино: алые глаза в коридоре, рисунки Скотта, его коллекция хорроров, одержимость актёром Модом... И та записка со злобной ухмылкой. Я рискнул предположить: мальчик обожает пугать людей. У него извращённое чувство юмора. Все три полотна в «Книге Демона» написаны его рукой. Он был свидетелем всех трёх смертей. А в этом доме свидетелем может быть либо убийца, либо сообщник.

— Ваша слава росла, выставки следовали одна за другой. И на следующей из них погибла мисс Ил. Вспышка страха, сердечный приступ, падение в воду. Посмотрите на ракурсы картин. Первая — смерть Бекки: взгляд снизу вверх, от подножия лестницы. Там, где находится

комната Скотта. Вторая — тело Морка: взгляд сверху вниз. Мальчик смотрел на него с балкона. И третья — мисс Ил. Взгляд с другого берега реки, она стоит к нему спиной. Уверен, в ту ночь Скотт прятался в тенях деревьев прямо за её спиной. Он напугал её до смерти в тот самый миг, когда она обернулась.

— Должна заметить, у вас нет ни единого доказательства! — с сарказмом перебила его леди Мофи.

— Верно, — небрежно согласился Ли. — Улик нет. Даже Шерлок Холмс не нашёл бы здесь ничего решающего. Убийца, рисуящий место своего преступления, никогда не изобразит то, что его выдаст. Если только не сочтёт это пустяком... как пятна вина на балконе. Но я полагаю, стоит мне покинуть эту картину, как истина сама попадёт мне в руки.

Взгляд Ли Цзяньчуаня стал холодным и пронзительным. Леди Мофи помрачнела так, будто над ней сгустились грозные тучи. Её молчание лишь подтверждало его правоту.

Ли опустил глаза на карточку и быстро дописал финальные строки:

«Легенда о Доме уединения — это картина.

С того момента, как Лос переступил порог Судных врат, он стал частью этого полотна.

Первое видение в коридоре активировало первую картину внутри картины. Побег со свечой перенёс его во вторую — момент смерти мисс Ил. Инцидент в комнате Скотта открыл третью — смерть Бекки.

Мастерская стала входом в четвёртую — гибель господина Морка.

Условий для выхода из картины два:

Первое — зажечь белую свечу, после чего мир полотна рухнет.

Второе — если свечу зажечь невозможно, необходимо найти оригинал «Легенды о Доме уединения» и сжечь его.

Дополнительно: условием перехода между слоями реальности является либо использование белой свечи, либо контакт с ключевыми образами: картиной с алыми глазами в комнате Скотта или изображением водонапорной башни города Мейн в мастерской».

Чернила на бумаге начали медленно тускнеть. Ли закрыл ручку колпачком.

На карточке начали проступать искривлённые буквы:

[Тест завершён. Точность — 90%, полнота — 63%]

[Время истекло. Судные врата открыты!]

Карточка и ручка растворились в воздухе. Туман заволновался, и перед Ли возникла дверь — зыбкая, искажённая, словно он смотрел на неё сквозь толщу марли. Таймер на ней отсчитывал чуть более трёх часов — ровно столько оставалось до официально объявленного закрытия выставки.

Ли Цзяньчуань не спешил касаться врат. Он повернулся к леди Мофи:

— Я сказал всё, что хотел. Теперь ваша очередь исполнять обещание. Мои вопросы просты, но мне нужны только правдивые ответы.

В его голосе звучала неприкрытая угроза. При этом он заметил, что женщина, похоже, совершенно не видит парящих перед ним врат.

— Спрашивайте, — ледяным тоном отозвалась она. — Но моё терпение не беспредельно. Вы не можете диктовать мне условия до бесконечности. Я могу пожертвовать частью мастерской внутри этого мира. Это будет болезненной утратой, но я её переживу. Учитывая наше «знакомство», Лос, я отвечу на три ваших вопроса.

— На пять, — отрезал Ли.

Леди Мофи помедлила, гордо вскинув подбородок:

— Хорошо. Пять. Но никаких дополнительных уточнений.

Ли отметил, как она назвала его по игровому имени. Но не стал тратить на это драгоценную возможность.

— Ваш сын, Скотт... Он действительно погиб в том школьном автобусе?

Взгляд леди Мофи стал острым, как кинжал. Спустя долгую паузу она выдавила из себя единственное слово:

— Да.

<http://bllate.org/book/15871/1570254>